

ОП

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 1.

5 ЯНВАРЯ 1858.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). | Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ Конторѣ Журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базунова.

Редакція находится въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Кутнера, кв. №. 33

Къ 1-му № предлагается: Альбомъ Верди.

Опера «Трубадуръ» будетъ разослана гг. подписчикамъ въ февралѣ.

Первая книга Собранія Театральныхъ Піесъ выйдетъ въ концѣ января.

Подписавшіяся послѣ 1 января, до 1 июня 1858 г. сохраняютъ право на получение Т. и М. Вѣстника съ 1 № со всеми приложениями.

26555 10900

Водержаніе: Большой Театръ (А. Сѣрова). — Михайловскій Театръ. — Замѣчательные композиторы-фортепѣанисты (А. Конюскаго). — Театральныя и музыкальныя пьесы изъ разныхъ городовъ Россіи. — Письмо изъ Парижа (К. Нетины). — Иностраннй Вѣстникъ. — Замѣчательныя пѣвцы. — Объявленіе.

БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ.

«ЛУИЗА МИЛЛЕРЪ».

Опера Верди.

(Бенефисъ г-жи де Мерикъ-Лаблашъ, 21 декабря).

Еще Верди! ояты Верди! все Верди! вездѣ Верди! Какъ много оперъ написалъ этотъ человѣкъ! и кого-кого не заставлялъ служить своей плодотворной музѣ! И Шекспиръ и Шиллеръ явились сотрудниками для ся «вдохновеніи»!

Синьоръ Каммарано главный либретный «поставщикъ» для знаменитѣйшаго въ наше время итальянскаго маэстро, совершенно напрасно прибѣгаетъ къ чужимъ поэтическимъ вымысламъ, къ драмамъ извѣстнѣйшихъ писателей. Безъ всякаго сомнѣнія никогда ни въ Шекспирѣ, ни въ Шиллерѣ, ни даже въ Гюгô не отыщется такое «счастливое» либретто для музыки Верди, какъ «Трубадуръ»—гдѣ синьоръ

Каммарано удовольствовался *собственною* творческою фантазією. Канва въ «Тrovatore»—касательно мелодраматическихъ ужасовъ, конечно значительную степень превосходить и Лукрецію Борджіа, и «le Rois'amuse», и «la Tour de Nesle» и всѣ самыя растрепанныя, самыя неистовыя, самыя неестественныя, самыя чудовищныя піесы изъ репертуара «Porte St Martin», съ адскими интригами, кровавыми развязками, ядами, книжазами, преступленіями и мщеніями всѣхъ сортовъ. Синьоръ Каммарано перещеголялъ всѣхъ соперниковъ въ этомъ возвышенномъ родѣ драматургін. Но при этомъ, замѣьте, піеса «Тrovatore» вызвала въ синьорѣ Верди обильный потокъ «вдохновенія» — вызвала оперу, которая сдѣлалась любимцею всѣхъ публикъ на свѣтѣ, отъ Лиссабона до Стокгольма и отъ Рио-Жанейро до Петербурга. Доходы съ одного «Тrovatore» принесли Рикорди и Эскюдье (музыкальнымъ издателямъ Вердиевскихъ оперъ) сотни тысячъ франковъ, а самъ маэстро выстроилъ изъ этихъ доходовъ цѣлую виллу, которая такъ и носитъ названіе счастливаго «Трубадура», колесованнаго возлѣ коистра усыновившей его цыганки, надъ трупомъ любимой женщины и по приказанію роднаго брата.

Когда собственная фантазія синьора Каммарано такъ богата именно тѣмъ, что нужно для музыки Верди и для современной оперной публики, зачѣмъ же тревожить прахъ Шекспира или Шиллера?

Зачѣмъ вводить насъ грѣшныхъ въ искупленіе—по одному заглавію «Луиза Миллеръ» вспомнить о драмѣ «Kathle und Liebe?» восхищавшей всѣхъ насъ, когда мы только-что стали знакомиться съ театромъ и словесностью? Для чего заставить насъ пройти въ памяти и воображеніи сцены этой горячей піесы, обличающей незрѣлость автора но дышащей (какъ и «Разбойники») великимъ духомъ Шиллера и его великой эпохи?

Для чего выраженіе восторженнѣйшей идеальной «Шиллеровской» любви—«трисвѣтлой», какъ бы сказалъ баронъ Розовъ—замѣнить пошлѣйшими общими мѣстами итальянской рутинной реторики?

Для чего иѣмецкаго «музыкаса»—честнаго простяка-пѣм-

Лондонъ
Издатель
В. М. ДАВЫДОВСКОГО

ца, «*einem plumpen geraden deutschen Kerl*» (какъ онъ самъ себя обрисовываетъ у Шиллера) но не лишенаго начитанности, превратить въ какого-то Тироляскаго солдата? Для чего интригу, всю основанную на диктовкѣ письма перенести изъ конца восемнадцатаго вѣка, въ XVI вѣкъ, когда дочь какого-нибудь солдата врядъ ли была сильна по части корреспонденціи? Для чего Леди Мильфордъ, фаворитку владѣтельнаго герцога, превратить въ герцогиню, двоюродную сестру юноши, героя пьесы и тѣмъ уничтожить одну изъ пружинъ завязки? Почему вообще не догадаться что главная мысль Шиллеровой пьесы — громкій, гуманный «протестъ» противъ порочной основы современнаго Шиллеру общества, — *вовсе не принадлежитъ къ сферѣ сюжетовъ музыкальныхъ*, а то, что есть музыкальнаго въ этой драмѣ—любовь, преграды для нея, вспышки гнѣва и т. д. дѣло слишкомъ обыкновенное во всѣхъ на свѣтѣ сюжетахъ?

Какъ было не догадаться, что именно со стороны «канвы», «интриги» эта пьеса Шиллера ни силою и естественностью, ни оригинальностью не отличается? А то, что въ ней безподобно—для оперы невозможно. Впрочемъ странно, забавны вопросы наши, «почему» да «для чего!» Для того, разумѣется, чтобъ въ тысячный разъ убѣдить людей сколько-нибудь разсуждающихъ обо всемъ, что дѣлается на театрѣ, что итальянскихъ оперныхъ дѣлъ мастерамъ рѣшительно *все равно*, какое либретто, откуда оно, какое его литературное значеніе, какой смыслъ въ задачѣ пьесы и т. д. Для того, чтобъ въ тысячный разъ убѣдить примѣромъ, что чѣмъ пошлѣе, рутиннѣе каркасъ, скелетъ пьесы, тѣмъ выгоднѣе для итальянской манеры размѣщать арии, дуэты и т. д. «Пара любовниковъ есть?»—Есть. «Пара отцовъ есть?»—Есть,—одинъ—добрый—и какъ водится, бѣдный, угнѣтенный другой—знатный, богатый, но тиранъ и злодѣй.

«Прекрасно!—интрига есть?»—Есть, и занимательная, хотя не совсѣмъ натуральная.

«Вотъ еще! станемъ мы объ этомъ заботиться! Книжки или дуэль на шпагахъ или что нибудь въ этомъ родѣ есть?» — Книжаловъ и шпагъ нѣтъ, но есть пистолеты и главное трагическая развязка основана на отравленіи.

«Какъ нельзя лучше!» Все остальное уладится само собою. Хоры охотниковъ, звуки органа, призывъ къ молитвѣ все это можно втиснуть въ любую канву!»

Вотъ какимъ образомъ пьеса Шиллера—урѣзанная, лишена своего настоящаго смысла—немилосердно обезображена въ главныхъ сценахъ и характерахъ, опущенная до крайнихъ предѣловъ итальянскаго цвѣтистаго краспорѣчія—послужила «маннекеномъ» для музыки Верди. Музыка вполне отвѣчаетъ поэзии синьора Каммарано, только можетъ быть, еще гораздо *дальше* отъ хорошихъ оперъ нежели либретто «Луизы Миллеръ» отъ Шиллеровой поэзіи.

Въ музыкѣ замѣчательный номеръ, квартетъ во 2-мъ актѣ, безъ акомпанимента, исполняемый г-жею Бозио (Луиза), г-жею де-Мерикъ (герцогиня), г-мъ Эверарди (графъ Вальтеръ,—президентъ, въ оригиналѣ) и г-мъ Половинни (Вурмъ). Звуки этого квартета не лишены нѣкоторой оригинальности, но здѣсь еще больше, чѣмъ въ

другихъ мѣстахъ этой оперы, чтобы слушать музыку, надобно совершенно отвлечься отъ того, что на сценѣ совершается. Желая доставить Верди, случай написать вокальный квартетъ, (на что Шиллеръ не разсчитывалъ) а можетъ быть и по заказу Верди либреттистъ придумалъ сцену, гдѣ Луиза, въ присутствіи Вурма и Вальтера, *подтверждаетъ* герцогинѣ, своей соперницѣ, что любитъ не Родольфа (Фердинанда), а Вурма. (!) Бѣдный Шиллеръ

Съ половины послѣдняго (третьяго) акта идетъ сцена умирающаго послѣ отравы. Родольфъ (Фердинандъ) узнаетъ, что погубилъ Луизу *напрасно*; приходитъ старикъ Миллеръ, узнаетъ о бѣдѣ и оба, вмѣсто того, чтобъ бѣжать въ ближайшую аптеку за противоядіемъ, преспокойно вмѣстѣ съ Луизою поютъ длинный терцетъ!

Эффектъ терцета, помимо страшной несообразности, напоминаетъ послѣднія сцены «Травиаты».

Въ оркестрѣ терцета, какъ и въ Травиатѣ много сурдинъ.

Г-жа Бозио, по обыкновенію, явилась той замѣчательной пѣвицей, искусство которой давно уже по всей справедливости оцѣнено всѣми.

Бенефициантка, г-жа де-Мерикъ, вѣроятно потому случаю, что партія герцогини не довольно блистательна, вмѣсто дуэта съ Родольфомъ (въ 1-мъ актѣ) поетъ какую-то большую арію «*di bravura*» съ анданте и съ кабалеттою. Все—по формѣ и, къ общему удовольствію. Аплодисментовъ было разумѣется много г. Монджини (Родольфъ), по обыкновенію, пѣлъ не процентами, а «капиталомъ» своего отличнаго голоса. Романсъ Родольфа, въ 2-мъ актѣ, съ акомпаниментомъ кларнета не безъ граціи, только о сценическомъ положеніи слѣдуетъ «забыть».

Г. де Бассини съ успѣхомъ исполнилъ партію Миллера, для него написанную. Лица Вальтера и Вурма, въ парти-Верди до того безивѣтны, что изъ нихъ никакимъ исполнителемъ въ свѣтѣ не слѣдуетъ музыкально обрисованныхъ характеровъ.

Въ 1-мъ актѣ понравился хоръ поселянъ и родъ *motseau d'ensemble*, когда поселяне и Луиза уходятъ въ церковь, а Миллеръ одинъ остается на авансценѣ и подъ послѣдніе звуки хора высказываетъ свои опасенія, свою тревогу душевную. Нѣсколько эффектная заключительная сцена 1-го финала (Вальтеръ въ домѣ Миллера). Декораціи 1-го акта очень живописны. (Вотъ для чего нуженъ былъ—Тироль, а XVI вѣкъ для костюмовъ!) Впрочемъ *на общій* вкусъ быть можетъ и вся опера превосходна. Большинству вѣдь столько же мало дѣла до эстетическихъ требованій, какъ итальянскимъ композиторамъ до того, въ чѣмъ пьеса. Въ оперу идутъ слушать—пѣвцовъ и пѣвицъ, а главное людей посмотреть и себя показать. Театръ былъ полонъ снизу доверху. Вѣроятно также будетъ и въ слѣдующіе разы. Верди и Каммарано торжествуютъ.

А. СВРОВОЪ.

МИХАЙЛОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

Для г-жи Напталъ-Арно возобновили известную драму *Чаттертонъ* (Chatterton), соч. Альфреда де Виньи (Vigny), и публика съ удовольствіемъ собиралась въ театръ, тутъ время прошло не даромъ, тутъ мы жили, страдали и вмѣстѣ наслаждались, потому что въ искусствѣ съ самымъ страданіемъ соединяется наслажденіе. Сюда отчасти можно примѣнить известные стихи Пушкина:

Все, все что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья,
Безсмертныя можетъ быть залогъ.
И счастьемъ тотъ, кто ередъ волненья
Ихъ испытать и вѣдать могъ.

Въ этихъ словахъ неоспоримая психологическая истина, угаданная и прочувствованная поэтомъ! и дѣйствительно тотъ счастливъ, кто испытаетъ и увѣдаетъ такія волненія, потому что тогда онъ вполне сознаетъ свою высокую человѣческую природу. Конечно, рѣдкія сценическія произведенія искусства ставятъ насъ на такую высоту, и хотя къ нимъ мы не можемъ отнести упомянутую драму, но все же она выходитъ далеко изъ ряда обыкновенныхъ драмъ, а разыгранная талантливыми артистами она заставляетъ зрителей *жить* одною человѣческою жизнью и оставляетъ не *фейерверочное* впечатлѣніе, которое такъ же мгновенно пропадаетъ какъ и трескучій фейерверкъ.

При обиліи бенефисовъ, артисты должны тратить свое время и силы на разучиваніе множества новыхъ піесъ, изъ которыхъ потомъ рѣдкая можетъ удержаться на сценѣ на болѣе продолжительное время. Когда же имъ трудиться надъ произведеніями, заслуживающими общаго вниманія? когда имъ создавать роли такъ, чтобы ими составить себѣ славу а публикѣ принести истинное наслажденіе? На это нужно не мало времени, не мало трудовъ, что все растрачивается безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Тутъ теряютъ и искусство и публика и самые артисты, которые, по-видимому, не хотятъ цонять ни требованій искусства, ни требованій публики... Для чего же трудятся они? Что они трудятся, въ этомъ нѣтъ никакого спору; стоитъ только представить себѣ то обильное число новыхъ піесъ, которое въ эту зиму поставила наша французская труппа, и всѣ онѣ были разучены твердо и сыграны старательно и отчетливо. Все это, конечно, дѣлаетъ имъ честь, но тутъ же мы скажемъ, что труды эти еще нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ *артистическими*: это обыкновенное трудолюбіе, опытность, привыкъ въ актерскомъ дѣлѣ; гдѣ же творческая дѣятельность, которая одна дѣлаетъ артиста идоломъ публики, та дѣятельность, которая часто и піесу самое по себѣ незначительную (только не уродливую и не пошлую) удерживаетъ долгое время на сценѣ? Въ талантахъ большей части нашихъ французскихъ артистовъ также мы не сомнѣваемся, а между тѣмъ съ сожалѣніемъ видимъ, что тутъ какъ то не осуществляется повторяемая всѣми истина: чего не можетъ сдѣлать талантъ, соединенный съ трудолюбіемъ. Да, чего онъ не можетъ сдѣлать, когда его трудъ будетъ направленъ

на достойные предметы. Кромѣ самихъ артистовъ здѣсь некого винить, потому что имъ дается полное право выбирать піесы для бенефисовъ, и вотъ они хлопочутъ о новизнѣ: прекрасное было бы дѣло, если бы изъ этихъ хлопотъ, изъ этой кучи новизны выходило что нибудь живучее; а безъ него что же остается намъ, публикѣ, которая всегда готова цѣнить труды талантливаго артиста. Доставляйте намъ больше *наслажденія* какое обыкновенно доставляетъ искусство и мы будемъ наслаждаться артистически. Если же современность не представляетъ ничего достойнаго вниманія, то лучше обращаться къ старому репертуару, на скудость котораго не можетъ жаловаться французская труппа. Отъ нея мы въ правѣ требовать болѣе, чѣмъ отъ нашихъ русскихъ артистовъ, потому что у нея во всѣхъ отношеніяхъ больше средствъ для артистическаго труда.

Но можетъ быть артисты этой труппы сошлются на успѣхъ тѣхъ и другихъ новыхъ піесъ въ Парижѣ, и насъ же обвинять, что мы не умѣя понимать эти произведенія, не умѣемъ цѣнить таланты и пр. Но мы уже доказали, что каждая умная піеса выдерживаетъ много представлений; мы можемъ насчитать много примѣровъ, какъ мы награждаемъ таланты.

Возобновленная драма Чаттертона, какъ мы сказали, имѣла успѣхъ, благодаря самой себѣ и вмѣстѣ искусству г-жи Арно. Чаттертонъ, известный англійскій поэтъ прошедшаго столѣтія (род. 1732 г.) обращаетъ на себя вниманіе своею плачевною судьбою. Поэтъ-нищій и вмѣстѣ поэтъ гордый, тщеславный! въ своей нищетѣ онъ мечталъ только о славѣ, богатствѣ, безсмертіи; его поэзія уносила его духъ въ заоблачныя страны, но не кормила его... въ отчаяніи несчастный отравилъ себя на восемнадцатомъ году жизни. Коротка была эта жизнь, но сколько страданій, сколько мукъ, злобы, негодованія, ярости вынесла она, и все отъ того, что человѣкъ былъ брошенъ не въ ту среду, гдѣ могъ бы блистательно развиться его талантъ; все отъ того, что возвышенный взглядъ его на поприще, имъ избранное, и на его призваніе не соответствовалъ жалкой дѣйствительности, его окружавшей. Печальная картина, ужасное положеніе, прекрасный предметъ для драмы. Не станемъ здѣсь разсматривать какъ имъ воспользовался французскій поэтъ; укажемъ только на роль г-жи Арно. Передъ вамъ молодая женщина Китти-Бель, робкая жена суроваго *Джонъ Буллъ*, у котораго сердце бьется одними барышническими разчетами. Слабая женщина могла быть покорною женою, но не могла управиться со своимъ юнымъ и страстнымъ сердцемъ. Она полюбила бездомнаго бродягу Чаттертона, которому мужъ ея отвелъ коморку въ своемъ домѣ. Можетъ быть, она давно бы изпыла въ своемъ положеніи подъ вѣчнымъ вліяніемъ суровости и страха, еслибы подлѣ нея не стоялъ еще другой человѣкъ, старый пріятель ея мужа, набожный квакеръ, который своею религіозностью, чистотою своего созерцанія жизни дѣйствовалъ на нее успокоительно. Но подъ этимъ же вліяніемъ тѣмъ сильнѣе вспыхнула любовь ея, а съ нею и страданіе при видѣ несчастнаго положенія юноши-нищаго. Всѣ эти чувства соединились въ одномъ сердцѣ, всѣ они сдѣлали изъ Китти

Белль прекрасную страдающую женщину и безпрестанно волнуя ее, ставили въ разнообразныя положенія... Нужно видѣть г-жу Арно, чтобъ представить себѣ, какъ могутъ проявляться всѣ эти чувства, одно подъ вліяніемъ другаго, какъ они могутъ совмѣститься въ сердцѣ женщины, и слѣловать изъ нея и героиню и слабую жертву. Тутъ нѣтъ никакой натяжки, нѣтъ ни одной черты ложной; ровность игры удивительная. Артистка не играетъ, но живетъ на сценѣ жизнью Китти Белль, за то и вы живете съ нею и вы страдаете за нее и вмѣстѣ съ тѣмъ восхищаетесь ея искусствомъ. Одного раза мало видѣть эту драму, чтобы вполнѣ оцѣнить игру г-жи Арно, чтобы разобрать всѣ моменты, гдѣ она представляя чувство съ поразительной вѣрностью, поражаетъ ваше сердце. А между тѣмъ въ самой игрѣ ея, по видимому, нѣтъ никакихъ поражающихъ особенностей и оригинальныхъ приемовъ: одна простота, на первый взглядъ, доступная каждой актрисѣ. А что дѣлаетъ эта простота, какъ управляетъ сердцемъ зрителя! въ ней есть душа, въ ней есть жизнь — въ этомъ вся и разгадка. Советуемъ всѣмъ нашимъ русскимъ молодымъ артисткамъ, подающимъ надежды, изучать внимательно игру г-жи Арно: за этотъ советъ въ послѣдствіе онѣ навѣрное скажутъ намъ спасибо.

Къ сожалѣнію не можемъ сказать много хорошаго объ игрѣ г-па Бертонъ въ роли Чаттертона, его игра могла бы быть истинно-артистическою, еслибы онъ не кричалъ, а игралъ спокойнѣе. Удивительно, что такой артистъ, какъ г. Бертонъ, не подумалъ, что человѣкъ постоянно страдающій не кричитъ въ своемъ горѣ и гнѣвѣ какъ человѣкъ, мгновенно чѣмъ нибудь раздраженный и неожиданно обманутой жизнью... Крики его дѣйствовали весьма непріятно, потому что были неестественны.

Прочіе артисты разыграли свои роли старательно.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ КОМПОЗИТОРЫ - ФОРТЕПИАНИСТЫ

ПРОШЕДШАГО и НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ, и ВЛІЯНІЕ ИХЪ НА МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО.

Антонъ Коитскаго.

Замѣтили ли вы, любезные читатели, сколько теперь охотниковъ писать о чемъ бы то ни было? вѣроятно замѣтили. Въ свою очередь скажу вамъ, что и я это очень замѣтилъ, и далъ себѣ слово никогда ничего не писать, *(разумеется печатно)* въ особенности когда я подумалъ еще, что число писателей гораздо больше числа читателей, когда вздумалъ о томъ волненіи писателя, которое онъ невольно ощущаетъ при мысли: что его книгу бросятъ на столъ, *не прочитавъ ее*, что его не поймутъ и пр. и пр. Опасеніе подвергнуться подобной же участи долго заставляло меня молчать, тѣмъ болѣе, когда я вспомнилъ объ одномъ несчастномъ авторѣ, который, издавъ большую книгу въ видѣ романа, обошелъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, а увидѣвъ

свою книгу на столѣ, утѣшался мыслию, что онъ въ модѣ, что всѣ его книгу читаютъ, и успѣхъ его постоянно увеличивается и безъ сомнѣнія онъ пріобрѣтетъ огромную славу. Но какъ бы удостовѣриться, что его книгу читали? очень трудно, потому что нѣсколько лицъ окружало столъ на которомъ лежала книга, а при нихъ неловко было автору взять свое сочиненіе въ руки; это конечно имѣло бы видъ, что онъ вызывается самъ па комплименты! бѣдный авторъ! сколько стратегической тактики долженъ былъ онъ употребить, чтобъ нечаянно приблизиться къ столу. Наконецъ, о счастье! у стола никого нѣтъ, лице автора сіяетъ — онъ кажется достигнулъ уже своей цѣли: какъ вдругъ одинъ старикъ (его знакомый) схватываетъ за пуговицу отъ его фрака и начинаетъ рассказывать ему о своихъ поѣздкахъ въ Египетъ, въ Калькуту, въ Тунисъ, и пр. и пр., а нужно вамъ замѣтить, что это былъ одинъ изъ этихъ стариковъ который могъ говорить вамъ три часа, безъ малѣйшаго отдыху; и если въ порывѣ своего рассказа ваша пуговица отъ фрака осталась у него въ рукѣ, онъ сію минуту хваталъ за другую со всею силою, и бѣдный слушатель изъ опасенія, чтобъ фракъ не послѣдовалъ за пуговицею поневоле, принужденъ стоять смирно, на вытяжку, и ожидать спасенія отъ хозяина или хозяйки.

Въ такомъ-то несчастномъ положеніи находился и мой бѣдный авторъ, прикованный къ старику силою пуговицы, смотрѣлъ онъ танталскимъ взглядомъ на свою книгу, потъ лился по его лицу, которое выражало отчаяніе. Вдругъ пуговица оторвалась въ минуту когда старичокъ рассказывалъ о страшномъ взрывѣ пороху, авторъ вскричалъ съ ужасомъ, и отскочивъ на два шага приблизился къ столу, схватился за свою книгу... но увя! какое несчастье ожидало его самолюбие! — онъ нашелъ... непрорѣзанныя страницы! онъ вздрогнулъ, глаза его заблестѣли огнемъ и бросивъ взглядъ презрѣнія на все общество — онъ ушелъ.

Видя подобные примѣры, я далъ себѣ слово никогда ничего не печатать, а писать для самого себя. Но чтожь дѣлать благосклонные читатели, сердце не камень. Какъ начали просить знакомые, незнакомые, друзья, грѣшный человѣкъ я все забылъ, взялъ въ руки желѣзное перо, листъ бумаги, передо мною и какъ видите пишу о заслуженныхъ музыкантахъ, славныхъ композиторахъ и фортепианистахъ, и ихъ вліяніи на музыкальный міръ и на искусство вообще.

Но умоляю васъ, не пугайтесь, надѣюсь, что избранный мною предметъ нашей бесѣды не наскучитъ вамъ, потому уже что я буду вамъ говорить только о самыхъ замѣчательныхъ дѣятеляхъ. Многіе изъ нихъ уже не существуютъ, по сочиненія ихъ играютъ постоянно. Поэтому говоря о композиторахъ, я укажу вамъ на замѣчательнѣйшія ихъ произведенія, что облегчитъ вамъ трудъ выбирать самимъ нужныя вамъ ноты. Надѣюсь даже любезные читатели заслужить вашу благодарность, если не застатыи то по-крайней-мѣрѣ за искреннее желаніе быть вамъ по возможности полезнымъ.

ГЛАВА I.

Въ концѣ моего изложенья фортепiанной игры, я вамъ говорилъ о Себастьянѣ Бахѣ, Аданѣ и Крамерѣ, теперь скажу вамъ, что послѣ этихъ серьезныхъ композиторовъ, появились другіе, которые сочиняли по большой части только варіаціи на любимыя темы изъ оперъ или даже на любимыя вальсы, романсы, и такихъ-то варіацій было отъ 6-ти до 128-ми на одну тему.

Одинъ изъ такихъ, который написалъ самое большое число варіацій для фортепiанъ былъ Гелмекъ, и его сочиненія пользовались успѣхомъ. Но между славными фортепiанистами *Стейбелтъ* имѣлъ преимущество какъ граціозный пианистъ, *Pianiste élégante*, кто не игралъ его граціознаго сочиненія «*l'Orage?*» онъ первый изъ фортепiанистовъ, который сочинялъ салонныя піесы, милыя и граціозныя. *Дюссекъ*, композиторъ столько классическій сколько и блестящій, написалъ много концертовъ на фортепiано съ акомпаниментомъ оркестра, слѣдуя примѣру безсмертнаго *Моцарта*; его мелодіи тоже очень милы, въ нихъ есть что-то меланхолическое вообще его сочиненія соединяютъ въ себѣ стиль классическо-романтической, *Калькбреннеръ*, *Мошелесъ*, *Гуммель* и *Фильдъ*, въ одно время дѣлили между собою лавровыя вѣнки, и цвѣты, которыхъ имъ публика не щадила. Эти славные артисты оказали неоцѣненныя заслуги для искусства. Фортепiано съ каждымъ днемъ становилось болѣе и болѣе могущественнымъ инструментомъ, и уже начало съ успѣхомъ соперничать съ скрипкой, которую по сіе время называли *королемъ инструментовъ*. Разница между этими четырьмя знаменитыми фортепiанистами заключалась въ томъ, что *Калькбреннеръ* игралъ чисто, жемчужно, энергически, но его игра была болѣе аффектирована, чѣмъ пѣвуча и оттънки были у него болѣе расчитанные, чѣмъ истекающіе изъ души; однимъ словомъ, онъ былъ болѣе правильнымъ и до изящности отчетливымъ исполнителемъ и композиторомъ, чѣмъ гениальнымъ артистомъ. Его сочиненія имѣли большой успѣхъ, его *тріо*, *квартеты*, *секстеты*, заключаютъ въ себѣ много хорошаго, но самое замѣчательное его сочиненіе есть безспорно его первый концертъ, «*D-moll*», съ акомпаниментомъ большаго оркестра. Во второмъ концертѣ находится *рондо* очень милое, и переполненное блестящими пассажами. Кромѣ того между піесами для одного фортепiано заслуживаетъ особенное вниманіе піеса подъ заглавіемъ «*le Fou*».

Мошелесъ отличался блестящею порывистою игрою, полною сгня, и болѣе одушевленной, чѣмъ у *Калькбреннера*, въ его сочиненіяхъ болѣе обдуманности въ мысляхъ и гениальныхъ модуляціяхъ. Изъ фортепiанныхъ піесъ, его концертныя варіаціи на *маршъ Александра*, составили ему всеобщую славу. Его этюды столько классическіе сколько и мелодическіе, считаются одними изъ знаменитѣйшихъ; потому что они могутъ быть игранными въ концертахъ, вмѣсто салонныхъ піесъ. Но его «*Chef d'œuvre*», безъ сомнѣнія его третій концертъ, съ оркестромъ; сколько тамъ прекрасныхъ мыслей! сколько души! сколько неожиданныхъ и ма-

стерски употребленныхъ модуляцій. Инструментовка этого концерта такъ хороша и такъ интересна, что приводитъ слушателей въ восторгъ. Первая часть концерта полна глубоко задуманныхъ мелодій, выражающихъ жалостное, тоскующее чувство, пассажи его смѣлые и энергическіе, увлекаютъ за собой слушателей. *Адажіо* пѣвучо и симпатично, но уступаетъ первой части, хотя и имѣетъ свои заслуги. Но самая блестящая часть концерта есть *Рондо (Finale)*. Сколько тамъ страсти, порыва, отчаянія, главная тема этой части написана въ октавахъ, которыя исполняемыя въ назначенномъ темпѣ *presto* производятъ огромный эффектъ, вообще весь этотъ концертъ и его славныя этюды обнаруживаетъ человѣка обладающаго огромнымъ талантомъ соединеннымъ съ глубокой ученостью. Не могу не посовѣтовать всѣмъ серьезно учащимся на фортепiано изучать произведенія этого славнаго композитора.

Гуммель, довелъ сочиненіе концертовъ до самой высшей степени. Его оркестровка должна служить образцомъ для всѣхъ современныхъ композиторовъ. Его главный концертъ *A-mol* былъ игранъ всѣми извѣстными артистами безъ исключенія и вездѣ производилъ блистательный эффектъ. Но его *Chef d'oeuvre* и *Chef d'oeuvre* всѣхъ существующихъ концертовъ есть его концертъ *H-mol*.

Это сочиненіе болѣе чѣмъ обыкновенный концертъ, его разработка совершенная симфонія. Его инструментовка отличается глубиной знанія *фуги* и *контрапунктовъ*, которыми онъ владѣлъ гениальнымъ образомъ. Тамъ каждый инструментъ слѣдуетъ своему назначенію, а всѣ вмѣстѣ одинъ не заглушая другаго, какъ согласная семья, безспорно составляютъ самую высокую гармонию. Главный мотивъ первой части переходитъ отъ одного инструмента къ другому, въ то время, какъ фортепiано имѣетъ пассажи въ неожиданныхъ модуляціяхъ. кромѣ того фортепiанная партія необыкновенно трудна (прежде и не мечтали о такихъ трудностяхъ) она переполнена гаммами въ терціяхъ трелями и гаммами въ октавахъ исполняемыхъ въ самомъ скоромъ темпѣ, и вотъ почему мало кто изъ артистовъ рѣшается играть весь этотъ концертъ въ публичныхъ концертахъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ВѢСТИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ГОРОДОВЪ РОССІИ.

Между послѣдними театральными новостями, появившимися на Воронежской сценѣ особенно замѣчательны были дебюты вновь ангажированнаго къ здѣшнему театру актера *Стадковскаго*, уже игравшаго на Воронежской сценѣ три мѣсяца тому назадъ. Г. Стадковскій явился передъ знакомою уже ему публикою въ водевилѣ, *Жена и Зонтикъ* и въ опереткѣ *Невѣста рыки*. Прекрасно исполнивъ въ первой изъ этихъ піесъ комическую роль настройщика Педала, артистъ выказалъ много искусства въ другой совершенно противоположной по характеру роли молодаго французскаго офицера *Артура*, въ оперѣ *Невѣста рыки*. За тѣмъ съ не-

меньшимъ успѣхомъ сыгралъ г. Стадковскій роль Жовіалы, въ водевилѣ *Стрѣлчій подъ столомъ*, которую передалъ натурально, съ большимъ юморомъ; всѣ куплеты были пропѣты весьма отчетливо, чему много способствуетъ его правильная дикція и пріятный звучный голосъ. Вообще г. Стадковскій полезное пріобрѣтеніе для Воронежскаго театра, игра его естественна, развязна, манеры благородны и неприуждены, кромѣ того онъ обладаетъ вполне знаніемъ сцены и является на пей какъ дома, безъ всякой натяжки и принужденія. Вскорѣ послѣ перваго дебюта г. Стадковскаго, данъ былъ бенефисъ г. Ленскаго, одного изъ лучшихъ актеровъ Воронежской труппы, но бенефисъ былъ составленъ изъ неновыхъ піесъ; изъ драмы *Отцовское проклятіе* и водевилей: *Знакомые Незнакомцы* и *Школьнаго Учителя*. Въ антрактѣ д—цы Эльстракъ очень мило пропѣли дуэты: *Пловцы*.

На Харьковской сценѣ въ послѣднее время было нѣсколько бенефисовъ изъ которыхъ развѣ стоитъ упомянуть о бенефисахъ суфлера Лулева, и Новикова. Въ бенефисъ перваго шла извѣстная драма Гедеонова. *Смерть Ляпунова*. Роль Прокопія Ляпунова сыгралъ довольно неудачно г. Лавровъ. Прочіе актеры были также не на своемъ мѣстѣ, вообще драма исполнена весьма неудовлетворительно и вѣроятно не появится болѣе на сценѣ. Въ бенефисъ Новикова возвѣщена была трагедія: *Иоаннъ Фаустъ*, о которой афиша гласила такъ: *Иоаннъ Фаустъ, или чернокижжикъ, большая трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ съ принадлежащими къ ней волшебными явленіями, блуждающими огнями, превращеніями, тѣнями, адскими чудовищами, скелетами и проч. Послѣдняя картина окончится великолѣпнымъ огненнымъ, бриллиантовымъ дождемъ чрезъ всю сцену*. Честь и слава геніальному сочинителю этой афиши! Въ нашъ коммерческій вѣкъ подобное составленіе афишъ также своего рада афера! Веселый водевилъ *Петербургскіе шалуны* немного вознаградила бѣдныхъ зрителей за усыпительную и устрашительную драму. Рѣшительно бенефицианты взяли себѣ за правило возобновлять старыя скучныя, нелѣпыя драмы. Такъ первая драматическая актриса харьковской сцены Боброва выбрала ихъ архива для своего бенефиса драму: *Серафима Лафайль*. объ этой драмѣ также и объ игрѣ актеровъ распространяться не стапемъ. Въ бенефисѣ режиссера харьковской труппы Бабашина явилась изъ театральнаго архива давнымъ давно забытая драма — *Соколъ князя Ярослава, или суженый на бѣломъ конѣ*. Не смотря на то, что на афишѣ были объявлены турниры, ристанія, побоища и даже полетъ сокола, сборъ былъ самый посредственный. За то будь нарисовавъ соколу, въ какомъ бы то ни было видѣ, а главное будь упомянуто, что Ярославъ выѣдетъ верхомъ на сцену на бѣломъ конѣ, не было бы и пустыхъ мѣстъ въ театрѣ. (*AVIS aux Beneficiants.*) Болѣе ничего поваго не представила намъ Харьковская сцена.

Лѣтъ 15 тому назадъ, когда въ Одессѣ по словамъ тамошнихъ старожиловъ жилось какъ то веселѣе, въ то благое время публика усердно посѣщала русскіе спектакли; разыгрываемые на польско-малороссійскомъ нарѣчій труппою актеровъ подѣ управленіемъ Рекановскаго; правда,

въ драмахъ зрители часто смѣялись, а въ водевилѣ едва не плакали, но посѣщали спектакли исправно, потому что русскіе спектакли были рѣдкою; и эта рѣдкость накупила и Рекановскій исчезъ куда то. Мѣсяца черезъ два послѣ его исчезновенія публика присутствовала на первомъ представленіи вновь прибывшей труппы актеровъ подѣ управленіемъ Мочалова. Составъ новой труппы былъ невеликъ и притомъ чисто водевильный. Послѣ двухъ трехъ спектаклей главные персонажи труппы сдѣлались любимцами Одесской публики. Это были: Мочаловъ, содержитель труппы; г-жа Мочалова, его жена и гг. Максимовъ и Манульскій. И не мудрено: много было свѣжести и силы въ этихъ четырехъ даровитыхъ артистахъ, изъ которыхъ два уже сошли въ могилу, Максимовъ перешелъ на петербургскую сцену, а г-жа Мочалова черезъ нѣсколько лѣтъ отсутствія совершенно неожиданно явилась снова въ Одессу. Она играла въ водевилѣ Ленскаго. *Въ людяхъ ангелъ не жена, дома ея мужемъ сатана*. Замѣтная слабость груди лишила г-жу Мочалову возможности выполнить какъ должно самыя эффектныя сцены, по всетаки она превосходная артистка и очень полезная, потому что составъ одесской драматической труппы не отличается ни количествомъ, ни качествомъ. Въ Одессу сверхъ того прибыла и италіянская труппа и открыла свои представленія *Линдой ди Шамуни*. Примадона труппы г-жа Монджини обладаетъ звучнымъ сопрано, но не умѣетъ вполне владѣть имъ. Теноръ Поццоллини довольно хорошій пѣвецъ; прочіе же лица труппы болѣе или менѣе спосны и не портятъ общаго цѣлаго и того довольно. Въ Тифлисѣ италіянская опера идетъ гораздо успѣшнѣе. О составѣ ея труппы мы уже писали въ свое время. Репертуаръ ея весьма разнообразенъ, артисты исполняютъ *Трубадура*, *Порту*, *Севильскаго цирюльника*, *Донъ Паскале*, *Лючію* и др. Въ слѣдующемъ номерѣ мы поговоримъ подробно объ этихъ представленіяхъ.

ПИСЬМО ИЗЪ НАРЪЖА.

Парижъ, 21 декабря 1857 г.

Госпожи Ристори увѣчанная лаврами, собранными въ Мадридѣ, Валенсіи и Гренадѣ, на дняхъ вернулась въ Парижъ, но появится на сценѣ италіянскаго театра не ранѣе апрѣля мѣсяца.

Прежде нежели приступимъ къ отчету о дѣятельности французскаго театра, скажемъ нѣсколько словъ о двухъ художественныхъ произведеніяхъ, предпазначенныхъ для украшенія фойе этого театра. Мы говоримъ о бюстѣ госпожи Жирарденъ и о картинѣ г. Энгра. Бюстъ госпожи Жирарденъ, мраморный, работы г. Левека, отличается удивительнымъ сходствомъ и тонкостью рѣзца. Онъ уже поставленъ въ фойе. Картина г. Энгра еще находится въ мастерской художника. Вотъ что послужило поводомъ къ ея появленію. Въ 1841 году когда г. Энгръ вернулся изъ Рима, общники французскаго театра предложили ему бесплатный входъ въ театрѣ. Знаменитый художникъ очень часто поль-

зовался этимъ правомъ и въ знакъ признательности, вознамѣрился написать для французскаго театра картину, которую на дняхъ окончилъ. Сюжетомъ этому произведенію послужилъ анекдотъ, рассказанный госпожею Компанъ. Людовикъ XIV, желая дать урокъ придворнымъ съ пренебреженіемъ смотрѣвшихъ на Мольера, пригласилъ его къ своему завтраку. Вчера актеры и администраторъ-академикъ г. Ампи отправились къ г. Энгру поблагодарить его за этотъ подарокъ и полюбоваться его картиной.

Возобновленіе «Чатертонъ» было принято публикою съ большимъ одобреніемъ въ присутствіи Императора и Императрицы. Уже двадцать два года прошло съ того времени, какъ это произведеніе вышло изъ-подъ пера А. де Виньи и поэтому неудивительно, что многое въ этомъ произведеніи устарѣло, не говоря уже о томъ, что мысль, положенная въ основаніи драмы, ошибочна. Самоубійство Чатертонъ ничѣмъ не оправдывается. Какъ бы то нибыло возобновленіе этой драмы было такъ успѣшно, что она, чередуясь съ комедіей г. Дуссе: «Запрещенный плодъ», не сходитъ съ афиши французскаго театра. Эффектныя сцены вызываютъ и теперь громкія рукоплесканія и зрители съ особеннымъ вниманіемъ слушаютъ поэтическіе монологи вѣчнаго Чатертонъ, передаваемые г-мъ Жофруа съ большимъ искусствомъ и жаромъ. Не странно-ли что когда А. де Виньи представилъ свою драму въ 1835 г. въ дирекцію Théâtre Français то, по прочтенію, піеса была единодушно отвергнута и только по особенному случаю появилась на сценѣ?

Вотъ что говоритъ объ этомъ г. Жуслепъ-Ласаль, бывшій тогда директоромъ театра, въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ, отрывки изъ которыхъ теперь печатаются въ *Revue Française*:

«Комитетъ для разсмотрѣнія піесы собрался; піеса прочтена и единодушно... отвергнута. Это былъ «Чатертонъ!»

Увѣдомить объ этомъ г. де Виньи было неприятно; заставить актеровъ переимѣнить мнѣніе — было невозможно, а мнѣ однако очень хотѣлось, чтобы драма была сыграна. Оставалось одно средство: необходимо было вмѣшательство министра. Но современъ Антони г. Тьеръ не входилъ въ закулисныя дѣла. Въ этотъ вечеръ случайно я встрѣтился съ герцогомъ Орлеанскимъ, выходившимъ изъ своей ложи. Принцъ любилъ театръ. Ангажементъ госпожи Дорваль надѣлалъ довольно-таки шума и онъ освѣдомился о ея дѣбютѣ. Я объяснилъ ему свое затруднительное положеніе по случаю неприятія драмы, которую тутъ-же ему развалилъ. Принцъ захотѣлъ прочесть ее и на другой день велѣлъ сказать мнѣ, что чтеніе Чатертонъ увлекло его, онъ говорилъ объ этомъ королевѣ и какъ ей самой любопытно было прочесть эту піесу, то онъ и передалъ ей рукопись» прибавивъ милостно «что онъ велѣлъ это поднести ей отъ моего имени».

Дѣйствительно вечеромъ я получилъ письмо слѣдующаго содержанія:

«М. г. Королева отправилась въ Нёльи когда я поднесъ ей рукопись Чатертонъ. Ея Величество пожелала ее взять съ собою, чтобы прочесть дорогою; а какъ прогулка короля продолжалась долѣе обыкновеннаго то я и немогъ вамъ

возвратить піесу такъ скоро, какъ того хотѣлъ... примите и проч. *Кювилье-Флѣра*».

Демуссо и Перриэ, оба члены комитета, были у меня когда я получилъ это письмо. Прочтя имъ его я изъявилъ желаніе, чтобы драма была сыграна.

— Актеры не могутъ измѣнить своего рѣшенія, сказалъ мнѣ Демуссо; г. де Виньи не согласится, чтобы піеса была снова прочтена; и такъ: рѣшайте сами! Успѣхъ оправдаетъ васъ.

Мѣсяцъ спустя Чатертонъ выигралъ свое дѣло и госпожа Дорваль дебютировала.»

Не лишнимъ считаемъ здѣсь напомнить, поповоду госпожи Дорваль, что въ 1830 годахъ во всей силѣ господствовала вражда между романтизмомъ и классицизмомъ. Представителямъ новой школы удалось, благодаря покровительству герцога Орлеанскаго и при помощи барона Теиллера, королевскаго комиссара, горячаго защитника Ал. Дюма, В. Гюго и другихъ молодыхъ писателей ставшихъ подъ знамя романтизма, проникнуть на нѣкоторое время во французскій театръ и представить здѣсь суду публики *Генриха III*, *Эрнани* и проч. При такихъ исполнителяхъ каковы были госпожа Марія, Фирменъ, Жоанни, піесы эти имѣли огромный успѣхъ. Но скоро реакція взяла верхъ и представители новой школы, принужденные покинуть сцену Мольера, нашли пріютъ на театрѣ Сеп-Мартенскихъ Воротъ, бывшемъ тогда подъ управленіемъ г. Гареля. *La Tour de Nesle*, *Richard d'Arlington*, *Antony*, *Angele*, *Marie Tudor* и *Lucrece Borgia* имѣли здѣсь большой успѣхъ. Со стороны же комитета французскаго театра все еще была сильная оппозиція противъ представителей романтизма. Последніе однако нашли сильную опору въ госпожѣ Дорваль, успѣхъ которой въ *Antony* на театрѣ С.-Мартенскихъ воротъ былъ такъ великъ, что скоро ангажирована она была и на Théâtre Français, хотя конечно можно было думать, что съ нею перейдутъ опять на этотъ театръ и произведенія новой школы. Впрочемъ, госпожа Дорваль дебютировала въ *Une liaison*. Гг. Мазера и Ампи. На этомъ дѣло и остановилось. Новыхъ піесъ не было, Дюма былъ въ ссорѣ съ дирекціей, В. Гюго не имѣлъ ничего готоваго; одинъ только де Виньи представилъ свою драму. Понятно, почему актеры отказались принять піесу молодого писателя и почему директоръ, желая доставить госпожѣ Дорваль роль, вполне достойную ея таланта, обратился для представленія Чатертонъ къ покровительству герцога Орлеанскаго.

Драма г-на де-Виньи была разыграна очень дружно. Г. Жофруа исполнялъ роль Чатертонъ, которую создалъ съ такимъ блескомъ въ 1835 году. Онъ игралъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ, и въ сценѣ, когда сжигаетъ свои сочиненія, былъ неподобенъ и привелъ публику въ восторгъ. Жаль, что артистъ не молодъ и глядя на него, трудно вѣрить, что видишь передъ собою двадцатилѣтняго поэта. Это было даже причиной почему г. Жофруа долго не рѣшался принять теперь на себя эту роль, но правда и то, что такихъ отличныхъ актеровъ какъ г. Жофруа немного и что талантъ его еще въ полномъ блескѣ. Госпожа Плесси въ последнемъ дѣйствіи была прекрасна и удостоилась вызововъ;

видно что она много трудилась надъ изученіемъ роли, но въ первыхъ дѣйствіяхъ драмы, мы бы желали видѣть въ игрѣ этой прекрасной артистки, болѣе простоты и истины.

Г. Самсонъ съ особеннымъ стараніемъ и большимъ искусствомъ обрисовалъ личность Квакера; тонкая игра его заслужила одобреніе и доставила ему честь быть вызваннымъ. Г. Мирекуръ былъ недурень въ роли молодого лорда а г. Тальботъ (лордъ-меръ) очень живо велъ сцену 3-го дѣйствія.

Разскажемъ теперь содержаніе новой комедіи г. Камилла Дуссе: *Запрещенный плодъ*, успѣхъ которой теперь не подлежитъ сомнѣнію, хотя мы остаемся при первоначальномъ нашемъ мнѣніи, что отличная игра актеровъ и особенныя обстоятельства не мало способствовали упроченію этого успѣха.

Мы на дачѣ у Дерозье, почтеннаго старика, дяди и опекуна трехъ прелестныхъ сестеръ, изъ которыхъ двѣ старшія уже невѣсты. При поднятій завѣса Дерозье обѣдаетъ съ племянницами и ихъ женихами и въ очень длинномъ *speech*, какъ онъ самъ называетъ свой монологъ (*Point se long speech je vous demande grace*) объясняетъ что трудамъ его и заботливости, племянницы обязаны ихъ теперешнимъ благосостояніемъ. Но прибавляетъ онъ:

Женихи—Жалаберъ, разбогатѣвшій фермеръ, и де Вареннъ, разочарованный левъ, послѣ обоюдныхъ объясненій, мѣняются домомъ въ Парижѣ и замкомъ въ провинціи. Фермеръ горитъ нетерпѣніемъ насладиться удовольствіемъ столицы, а де Вареннъ собирается отдохнуть въ деревнѣ отъ шума парижской жизни. Вдругъ неожиданно возвращается изъ Парижа Леонъ, племянникъ Дерозье, окончившій тамъ свое образованіе. Воспитанный вмѣстѣ съ двоюродными сестрами, онъ никогда не обращалъ вниманія ни ихъ красоту.

Но едва онъ узнаетъ, что онѣ выходятъ замужъ, какъ досада и ревность начинаютъ его мучить. Его соблазняетъ теперь этотъ «запрещенный плодъ», который ему такъ легко было пріобрѣсти ранѣе, еслибъ только онъ захотѣлъ этого! Правда еще остается младшая сестра Жанна, равнодушная къ нему. Но Леонъ разсѣянно говоритъ съ нею, почти не обращая на нее вниманія.

Во второмъ дѣйствіи мы переносимся въ замокъ г-жи де Вареннъ: она скучаетъ, холодна въ обращеніи съ мужемъ, но очень любезна съ Леопомъ, который часто ее навѣщаетъ. Тоже происходитъ и въ Парижѣ. Г-жа Жалаберъ находитъ мужа слишкомъ празничнымъ и считаетъ Леона идеаломъ совершенства. Это конечно не радуетъ мужей и они готовятся отмстить двоюродному братцу. Къ счастью, Дерозье ловко вмѣшивается въ это дѣло и успѣваетъ отклонить опасность. Но Леонъ по прежнему очень равнодушенъ къ Жаннѣ. Дерозье однако не дремлетъ. Хорошо зная сердце человѣческое онъ рѣшается прибѣгнуть къ хитрости, помощью которой надѣется пробудить въ сердцѣ Леона любовь, горящую подъ пепломъ. И такъ, онъ, подъ секретомъ, открываетъ племяннику, что, по особеннымъ обстоятельствамъ, Леонъ никогда не можетъ сдѣлаться мужемъ Жанны. Напрасно Леонъ сначала говоритъ, что ему до этого нѣтъ дѣла, что онъ любитъ Жанну какъ сестру, но ни

когда не мечталъ сдѣлаться ея мужемъ. Старикъ необманулся: зароненная искра произвела пожаръ. Леонъ видя въ Жаннѣ запрещенный для него плодъ, начинаетъ чувствовать къ ней сильную любовь. Когда страсть его доходитъ до крайности Дерозье открываетъ ему истину и отдаетъ ему руку той, въ которую онъ влюбленъ. Такимъ образомъ старикъ даритъ Жаннѣ добраго мужа и избавляетъ двухъ старшихъ племянницъ отъ опасности, грозившей ихъ семейной жизни.

Сюжетъ комедіи, какъ видно изъ нашего бѣлаго очерка, не новъ и только отличная игра актеровъ спасла многія слабыя мѣста въ пьесѣ, монтированной очень тщательно. Г. Прово создалъ съ большимъ искусствомъ роль Дерозье, этого резонѣра, который всегда кстаті является, чтобы развязать гордіевъ узелъ; при другомъ исполненіи роль эта показалась бы очень скучной и безцвѣтной. Г. Ренъ очень ловко передалъ роль Жалабера а г. Креманъ былъ самъ не дурень въ роли разочарованнаго льва. Г. Делоне былъ прекрасенъ въ пылкой роли Леона; онъ игралъ съ большимъ одушевленіемъ. Что же касается до прелестныхъ племянницъ Дерозье, то кто, глядя на огненные глаза г-жи Фиксъ которая такъ была хороша въ подвѣчномъ платьѣ, на южную красоту г-жи Эдиль-Рикъ или на бѣлокурую головку г-жи Дюбоа, не подумалъ бы, что видитъ передъ собою картинку, подъ которой Грезъ или Ватто съ охотою подписали бы свое имя!

Въ скоромъ времени представлена будетъ на Théâtre Français новая комедія въ 4 д. въ прозѣ Г. Маріо-Юшара, это новос произведеніе автора *Фіаммины* называется: *Возвращеніе мужа*.

На дняхъ на лирическомъ театрѣ появится въ новой оперѣ *la Demoiselle d'honneur* г. Маримонъ, ученица Дюпре. Намъ часто доводилось на музыкальныхъ собраніяхъ у знаменитаго ея наставника наслаждаться ея свѣжимъ, приятнымъ и въ замѣчательной степени выработаннымъ голосомъ и кажется можно безошибочно предсказать, что изъ г-жи Маримонъ, современемъ, выйдетъ вторая Г. Міоланъ—тоже ученица Дюпре. Кстаті о послѣднемъ. Онъ завелъ, съ нѣкоторыхъ поръ, родъ маленькой консерваторіи, или какъ онъ называетъ *Maison d'éducation*, съ довольно-большой залой, прекрасной въ акустическомъ отношеніи; тутъ устроена сцена и по вторникамъ и пятницамъ бывають музыкальныя собранія. Ученицъ у г. Дюпре очень много и неудивительно, что подъ его руководствомъ, они дѣлають большіе успѣхи.

Настоящее письмо мы боимся удлинить; но не желая отлагать до другаго раза, вкратцѣ сообщимъ о прочихъ театральныхъ новостяхъ. Опера г. А. Тома: *Венеціанскій карнавалъ* въ 3-хъ д., пользуется большимъ успѣхомъ. Госпожа *Кабель* здѣсь производитъ фуроръ своею каватиною, гдѣ она преодолеваетъ величайшія трудности съ удивительною легкостью. Г. Стокгаузенъ тоже заслуживаетъ полной похвалы. Самая музыка г. Тома не всегда заслуживаетъ одобренія. Увертюра на мотивы венеціанскаго карнавала, очень недурна; жаль что вторая часть очень безцвѣтна. Изъ болѣе понравившихся мѣстъ укажемъ въ 1-мъ дѣйствіи ни большую арію г. Стокгаузена и на

тріо съ акомпаниментомъ скрипки — подражаніе извѣстной сценѣ въ *Etoile du Nord*. Хороша тоже тирольская пѣсня съ варіаціями, прекрасно переданная г-жею Кабель. Во второмъ актѣ мы не находимъ ни одного мѣста, на которое могли бы указать съ особенною похвалою. Весь онъ почти занятъ балетомъ. Зато въ третьемъ, кромѣ финальнаго *Sopra*, укажемъ на прекрасную арію г. Стокгаузена и на прелестный дуэтъ г-жи Кабель съ г. Делоне-Рикіе. Монтировка великолѣпная; декорацин, въ особенности изображающая площадь св. Марка очень роскошны.

Госпожа Дошъ съ успѣхомъ играетъ теперь на театрѣ *Ambigu* въ слезливой драмѣ *Rose Bernard*, а Пале-Рояльскій театръ угощаетъ уморительнымъ фарсомъ: *Les vaches Landaises*.

О прочихъ новостяхъ поговоримъ въ другой разъ.

КОНСТ. ВЕТИВЪ.

ИНОСТРАННЫІ ВѢСТНИКЪ.

Знаменитый изгнанникъ Викторъ Гюго завелъ снова процессъ съ Кальцадо директоромъ италіанской оперы въ Парижѣ, по поводу представленія оперы Меркаданте: *Il Giuramento*. Сюжетъ этой оперы взятъ буквально изъ драмы Гюго: *Венеціанская актриса* и поэтъ открыто протвѣтитъ представленію *Il Giuramento* на италіанской сценѣ. Незвѣстно еще какой оборотъ приметъ это дѣло.

О парижскихъ театрахъ пишетъ нашъ корреспондентъ, а потому перейдемъ къ Германіи. Въ Берлинѣ труппа Лумлея дала съ успѣхомъ нѣсколько представленій. Исполнены были сцены изъ *Трубадура* и *Травиаты*; въ нихъ отличались по обыкновенію Пикколомини и Джульини. Пикколомини превосходно передаетъ поэтическую личность Леоноры, равно хороша она и въ роли несчастной Вюлетты. Джульини превзошелъ себя въ сценѣ *Miserere* въ *Трубадурѣ*, его арія въ темницѣ пропѣта была съ такимъ чувствомъ, что возбудила громъ рукоплесканій. Изъ новыхъ оперъ представлены: оперетка Базена: *Maitre Pathelin*, переведенная на нѣмецкій языкъ и возобновлены двѣ оперы Моцарта: *Похищеніе изъ серала* и *Cosi fan tutti*. Балетъ Тальони: *Tollheiten in Venedig* поставленъ на сцену. Не малую новость составляетъ здѣсь прибытіе французской труппы очень хорошихъ драматическихъ актеровъ; репертуаръ ихъ весьма разнообразенъ и состоитъ изъ лучшихъ современныхъ пьесъ.

Рубинштейнъ находится теперь въ Вѣрѣ; онъ далъ свой первый концертъ и произвелъ своимъ тріо (*B-dur*) рѣшительный фуроръ; прочія пьесы его сочиненія имъ исполнены также были осыпаны рукоплесканіями; однимъ словомъ нашъ соотечественникъ встрѣтилъ въ Вѣнѣ какъ и вездѣ самый радушный и блистательный приѣмъ. Юсифъ Вѣнявскій производитъ не меньшій восторгъ своей игрой въ Лейпцигѣ; въ его концертахъ участвовалъ проѣздомъ извѣстный скрипачъ Сивори.

Въ Гамбургѣ явилась пѣвица съ придворнаго театра въ Рио Жанейро, г-жа Якобсонъ. Она дебютировала въ роли

Фидесъ въ *Пророкъ*. Появленію ея предшествовало много толковъ объ ея талантѣ, но пѣвица не оправдала общаго ожиданія, голосъ ея великъ и звученъ, но мало обработанъ и безъ всякаго чувства. Въ Дрезденѣ ожидаютъ прибытія труппы Лумлея, всѣ мѣста на его представленія заранѣе абонированы и здѣсь, какъ въ Берлинѣ, Пикколомини и Джульини появятся въ сценахъ изъ *Трубадура*, *Травиаты*, *Лючии* и др.

Въ Дармштатѣ былъ благотворительный спектакль въ пользу пострадавшихъ отъ пожара Майнцскихъ жителей, давали *Донъ-Жуана*; сборъ простирался до 700 фл.

Въ Веймарѣ въ день годовщины смерти Моцарта исполнили также *Донъ-Жуана*, партію *Церлины* пѣла г-жа Англезъ де Фортуни.

Въ Брауншвейгѣ образовалась новая труппа актеровъ, которая намѣрена играть только классическія трагедіи *Расина* и *Корнейля* и начала первое представленіе *Федрой*. Незвѣстно будетъ ли имѣть успѣхъ подобное скупное предпріятіе.

Въ Карлсруэ, въ день рожденія В. Герцогини, дана въ первый разъ новая опера Вагнера: *Die fliegende Holländer*.

Въ Мадридѣ Медори продолжаетъ съ успѣхомъ свои представленія; въ свой бенефисъ она явилась въ *Линдъ ди Шамуни* и хотя роль молоденькой Савоярки не совсѣмъ подходитъ къ ея массивной фигурѣ, но она выполнила ее довольно удачно. Съ Медори поетъ теноръ Ноденъ, бывшій у насъ въ Петербургѣ.

Въ Лиссабонѣ г-жа Шартонъ-Демеръ восхищаетъ своимъ нѣжнымъ голосомъ и прекрасною игрой; особенно была хороша она въ роли *Леоноры* въ *Трубадурѣ* и получила отъ Короля Португальскаго богатый подарокъ за эту роль. Къ своему бенефису она готовитъ *Травиату*.

Филармоническая Академія въ Болоніи назначила князя Юсупова, автора симфоній: *Gonzalve de Cordoue*, своимъ почетнымъ членомъ. Композиторъ Пачини оканчиваетъ *De profundis*, который будетъ исполненъ въ Болоніи, въ будущемъ году. Кромѣ того онъ оканчиваетъ новую оперу: *Il Saltimbanco*, которую дадутъ въ Римѣ во время карнавала; для открытія новаго театра во Флоренціи Пачини написалъ еще новую оперу: *Lorenzino de Medici*.

Въ Лондонѣ, кромѣ концертовъ Жульена, замѣчательною новостью были музыкальныя лекціи Саламана о Генделѣ и его современникахъ. Многочисленная, отборная публика посѣщала эти лекціи весьма занимательныя по своему составу. Г. Саламанъ познакомилъ Англичанъ не только съ произведеніями Генделя но и съ твореніями нѣкоторыхъ классическихъ композиторовъ какъ-то: Скарлати, Перголезе, Галоппи и др. Многія ихъ сочиненія исполнены были самимъ Саламаномъ и другими пианистами.

Въ Нью-Йоркѣ италіанская опера открыла зимній сезонъ *Семирамидой*; затѣмъ слѣдовали *Риголетто* и *Трубадурѣ*. Здѣсь какъ и вездѣ Верди одержалъ верхъ надъ своими соперниками; оперы его даются чаще другихъ. Только публика какъ-то неохотно посѣщаетъ оперу, хотя труппа составлена прекрасно; въ ней находятся: г-жи Лагранжъ, Фрецолини и Ангри, Формезъ, Лабачетта и др. Извѣст-

ный виолончелистъ Ферри Клецеръ даетъ концерты въ Нью-Йоркѣ вмѣстѣ съ Тальбергомъ и Вьетаномъ.

Оканчиваемъ нашъ Вѣстникъ грустнымъ извѣстіемъ. Изъ Канне, гдѣ находилась послѣднее время Рашель, по телеграфу дано знать въ Парижъ, что знаменитая артистка скончалась. Наши читатели вѣроятно помнятъ геніальную игру Рашели и потому многимъ почитателямъ ея таланта любопытно будетъ прочесть всякое свѣдѣніе о ней. Извѣстная венгерская артистка Булювская, недавно возвратившаяся изъ Парижа, описываетъ послѣднее свиданіе свое съ Рашелью. Передаемъ въ точности ея разсказъ. «При этомъ посѣщеніи, пишетъ венгерская артистка:» ощутила я глубокое и грустное впечатлѣніе. Когда я подошла къ крыльцу меня обдало не благоуханіемъ цвѣтовъ, а рѣзкимъ запахомъ лекарствъ, который усиливался по мѣрѣ того, какъ я поднималась на лѣстницу и сталъ почти невыносимъ въ передней. Кромѣ врачей не допускали къ Рашели никого и я получила позволеніе войти только тогда, когда написала на своей визитной карточкѣ, что пріѣхала изъ Венгріи и служу при Псетскомъ театрѣ. Я нашла великую царицу трагедій въ постелѣ. Только по неподражаемо-излишнему наряду умирающей (такъ къ сожалѣнію должно назвать Рашель) могла я узнать ту, которую еще за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, видѣла на вершинѣ ея торжествъ, въ свѣтозарной славѣ художницы и въ обаятельной прелести жепщины. Теперь же, мишло мнѣ, лежала предо мною восковая фигура, поразительно исхудалая, носившая печать смерти на желтомъ лицѣ. Только по временамъ сверкали ея потухшія глаза; большею же частію они были закрыты. Рашель едва могла говорить, но съ удовольствіемъ прислушивалась къ моимъ рѣчамъ, и сожалѣла, что немогла сама повезти меня въ театръ, какъ обѣщала мнѣ въ Пестѣ. Желая порадовать ее, я сообщила отзывъ о ней Жюль Жанена. Когда я выразила сѣтованіе, что пріѣхала въ Парижъ невпопадъ, и не увижу великой артистки, знаменитый критикъ отвѣчалъ мнѣ грустно задумчивымъ голосомъ: Она одна и была у насъ и ни кто ея незамѣнитъ:» Потомъ я разсказывала Рашели про Венгрію, о которой она вспоминала съ удовольствіемъ. Выслушавъ меня, большая артистка спросила какъ приняли у насъ Ристори и на замѣчаніе мое что Ристори непривлекала въ театръ столько публики, какъ она, Рашель сказала улыбаясь, что Ристори (которую она видѣла только въ первый пріѣздъ ея) не имѣла, какъ говорили, особенно блистательнаго успѣха при вторичномъ посѣщеніи Парижа, «Тѣмъ не менѣ прибавила Рашель:» она великая артистка, и я усердно рукоплескала ея игрѣ... а я больна, очень больна, и уже никогда не буду играть. Глаза ея наполнились слезами, и въ звукъ голоса было столько грусти, что я не могла не заплакать. Секретарь Рашели попросилъ меня неговорить о театрѣ: этотъ предметъ особенно разстраиваетъ больную. Я повела рѣчь о другомъ, но Рашель почти неотвѣчала мнѣ: иногда открывала глаза, порой на устахъ ея мелькала улыбка, или вырывался изъ груди вздохъ. Я пробыла у Рашели три четверти часа; предполагала уйти прежде, но она удерживала меня. Наконецъ я

крѣпко пожала горячую ея руку, и простилась съ нею... навсегда. Я вышла на улицу, разстроенная, печальная, и въ эту минуту промчался мимо меня щегольскій экипажъ Евгени Дошъ. Она приказала остановиться и звала меня съ собою въ Елисейскія поля. Я поблагодарила, но не приняла ея приглашенія въ такую минуту. «Тайна смерти женщины — говоритъ венгерская артистка — заключается часто въ тайнахъ ея жизни.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ПѢВНИЦЫ.

Г-жа МАЛЬЯРЪ (Maillard).

Г-жа Мальяръ (Марія-Тереза Даву) родилась въ Парижѣ въ 1766 году. Первоначальныя понятія о музыкѣ получила она въ знаменитой въ ту эпоху школѣ Коррета. Съ самаго начала ученье шло довольно-плохо; получивъ самое поверхностное понятіе о пѣніи, знаменитая впоследствии пѣвица оставила ученье, чтобы сдѣлаться танцовщицей. Единственною такой перемѣны было слѣдующее обстоятельство. Отправившись однажды со своими родителями въ Театръ Оперы, молодая Мальяръ увидѣла тамъ г-жу Салле, очаровательную танцовщицу, которою восхищался цѣлый Парижъ. Граціозные танцы и увлекательныя пируеты произвели глубокое впечатлѣніе на живое воображеніе юной артистки. Она твердо рѣшилась сдѣлаться танцовщицей и вскорѣ потомъ вступила въ танцовальный классъ, находившійся при Оперномъ Театрѣ. Быстрая понятливость, миловидность, натуральная грація движеній новой ученицы обещали многое; всѣ, кто ея видѣлъ тогда, были увѣрены, что ей суждено замѣнить, а можетъ и превзойти всѣ современныя хореграфическія знаменитости.

Двѣнадцати лѣтъ она уже участвовала въ дивертисментахъ театра комической оперы, устроеннаго въ Булонскомъ лѣсу. Талантъ молодой танцовщицы незамедлительно выказался въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ; вслѣдствіе того Королевская Музыкальная Академія предложила ей великолѣпный ангажементъ, но другія предложенія, еще болѣе заманчивыя, заставили ея семейство увезти ее въ Петербургъ. Участвуя здѣсь во всѣхъ придворныхъ спектакляхъ, молодая Мальяръ имѣла самый блистательный успѣхъ.

Въ 1780 году, будучи 14 лѣтъ, дѣвица Мальяръ вернулась въ Парижъ. До сихъ поръ еще ничто не позволяло предугадывать въ ней ея истиннаго назначенія, какъ вдругъ одинъ совершенно-неожиданный случай открылъ въ ней будущую знаменитую пѣвицу.

Однажды ей случилось быть, вмѣстѣ со своими родителями, въ большомъ собраніи, гдѣ между прочимъ было очень-много артистовъ. Ее попросили что-нибудь спѣть; она согласилась, но въ то же время заранѣе просила быть снисходительными. Между тѣмъ оказалось, что такое предупрежденіе было вовсе-излишне; все собраніе было увлечено и очаровано прелестью голоса пѣвицы. Бертоцъ, на-

ходившія въ числѣ слушателей, увѣрялъ всѣхъ, что онъ еще никогда не слышалъ болѣе-прелестнаго, болѣе-выразительнаго голоса, и тутъ же убѣдилъ г-жу Мальяръ вступить въ оперную школу пѣнія.

Увѣренная съ этихъ поръ, что она нашла истинное свое назначеніе, она жадно и настойчиво принялась за работу и въ теченіи двухъ лѣтъ сдѣлала такіе успѣхи, что уже могла приступить къ публичнымъ дебютамъ.

Первымъ дебютомъ ея въ Королевской Музыкальной Академіи, 17 мая 1782 года, была роль Колеетты въ *Деревенскомъ колдунѣ* (*Devin du village*); прекрасное пониманіе роли, красота голоса, драматическая выразительность лица, видная, благородная наружность,—сильно заинтересовали публику, которая наградила дебютантку самыми единодушными рукоплесканіями. Г-жа Сентъ-Юберти, знаменитая въ то время пѣвица, о которой мы уже говорили, оказала большое участіе новой дебютанткѣ и совѣтами своими произвела самое счастливое вліяніе на ея природное дарованіе. Въ ней, какъ и въ г-жѣ Сентъ-Юберти, лучшими качествами были выразительность, задушевность и энергія; уже тогда видно было, что она съ достоинствомъ замѣнитъ собою эту знаменитую пѣвицу.

Въ частной жизни г-жа Мальяръ нерѣдко предавалась эксцентричностямъ, которыя впрочемъ всегда соединялись въ ней съ благородными движеніями души. Она охотно надѣвала костюмъ молодыхъ людей того времени и въ такомъ случаѣ никогда не уклонялась отъ того, чего тогдашнее общество требовало отъ каждаго порядочнаго человѣка. Вотъ какой случай былъ съ нею въ 1785 году, случай, о которомъ въ свое время говорилъ цѣлый Парижъ.

Г-жа Б., одна изъ самыхъ прелестныхъ и модныхъ женщинъ тогдашняго парижскаго свѣта, имѣла въ числѣ своихъ поклонниковъ одного страстно-влюбленнаго въ нее молодого офицера. Узнавъ, что онъ имѣетъ счастливаго соперника въ одномъ молодомъ человѣкѣ высшаго круга, офицеръ этотъ вздумалъ вымѣстить свой гнѣвъ на самой г-жѣ Б. Рѣшившись на такой низкій поступокъ, офицеръ отправился на любимое гулянье моднаго свѣта, въ Булонскій лѣсъ, и встрѣтившись тамъ съ г-жею Б., ударилъ ее пѣсколко разъ хлыстомъ, который былъ у него въ рукахъ. Вскорѣ около несчастной женщины и ея дикаго поклонника собралась цѣлая толпа; всѣ безъ исключенія съ негодованіемъ обращались къ молодому человѣку, но только одинъ изъ всей толпы рѣшился наказать его немедленно за его неслыханную дерзость. Это былъ молодой, изящно-одѣтый человѣкъ; не теряя времени онъ схватилъ офицера за воротникъ, вырвалъ изъ рукъ его хлыстъ и тутъ же, при всѣхъ, ударилъ офицера нѣсколько разъ.

— Я расквитался съ вами за г-жу Б., а теперь готовъ дать удовлетвореніе, какое и когда вамъ будетъ угодно, сказалъ онъ, выпуская изъ рукъ жертву своего негодованія.

— Вы должны знать, милостивый государь, отвѣчалъ офицеръ, что только смертью можете заплатить за нанесенное мнѣ оскорбленіе.

— Очень-хорошо, отвѣчалъ улыбаясь молодой человѣкъ, — и вѣрно не дальше, какъ завтра утромъ, вы захотите привести въ исполненіе вашъ смертный приговоръ,—въ такомъ случаѣ къ шести часамъ утра я буду съ двумя свидѣтелями у заставы Мальо.

— Согласенъ, отвѣчалъ офицеръ, удаляясь при постоянномъ ропотѣ толпы.

Г-жа Мальяръ, которая и была тотъ рыцарь, который такъ храбро вступился за оскорбленіе женщины, сейчасъ же отправилась въ театръ, рассказать все случившееся и выбрать секундантовъ для предстоящаго поединка. Жребій указалъ ихъ въ лицѣ двухъ музыкантовъ театральнаго оркестра.

На другой день, офицеръ и его молодой противникъ одновременно явились на назначенное мѣсто.

— Въ этомъ ящикѣ, сказалъ офицеръ, лежатъ два совершенно-одинаковые пистолеты. Одинъ изъ нихъ заряженъ; тотъ, кто будетъ счастливѣе, будетъ имѣть удовольствіе размозжить другому голову.

— Я несогласенъ на это, отвѣчалъ защитникъ г-жи Б.— такая дуэль слишкомъ похожа на убійство. Я готовъ дать вамъ удовлетвореніе на шпагахъ, или на пистолетахъ, какъ вамъ будетъ угодно, но не иначе, какъ по общеприпѣтымъ правиламъ.

Секунданты молодого человѣка также присоединились къ нему, говоря, что они не допустятъ дуэли, если она не будетъ представлять одинаковой опасности для обѣихъ противниковъ. Секунданты офицера старались убѣдить въ противномъ, но не имѣли никакого успѣха, и такъ какъ нужно же было какъ-нибудь окончить это дѣло, то они согласились наконецъ зарядить оба пистолета. Противники стали на десяти шагахъ и одновременно спустили курки;—пуля офицера сбросила шляпу его противника, защитникъ же г-жи Б. оказался болѣе-счастливымъ:—пуля его попала въ правое плечо противника.

— Государь мой, сказалъ нашъ юный герой, сегодня вы не можете продолжать дуэли, но когда вы выздоровѣете, я готовъ снова начать ее и продолжать такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ насъ не будетъ убитъ.

Офицера увезли домой и позвали доктора, по выздоровленіе шло медленно:—только черезъ два мѣсяца послѣ первой встрѣчи противники снова могли взяться за оружіе. Въ этотъ разъ выбраны были шпаги; офицеръ снова былъ раненъ: шпага противника проколола ему насквозь его правую ногу. Выздоровленіе отъ новой раны было еще медленнѣе, чѣмъ отъ первой; притомъ же, несмотря на свое озлобленіе и отчаянную храбрость, офицеръ не нашелъ въ себѣ рѣшимости—снова испытать свое счастье. Между тѣмъ до него дошло, что противникъ его женщина; какъ это, такъ и самыя неудачи,—все способствовало къ тому, чтобы заставить его навсегда уѣхать изъ Парижа.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО

(бывшемъ И. Пецца,)

въ большой Морской, въ домѣ Лауферта

№ 27 поступили въ продажу:

6-е ИЗДАНИЕ

ПОЛНАЯ ШКОЛА ДЛЯ ФОРТЕПИАНО,

на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, дополненное многими упражненіями, этюдами и пьесами въ двѣ и четыре руки, съ присовокупленіемъ полной клавиатуры по которой каждый начинающій учиться на фортепиано ясно увидитъ гдѣ и на какихъ именно клавишахъ извлекаются всѣ тоны. Цѣна 3 р. 50 к. сер.

ПОЛНАЯ ШКОЛА ДЛЯ СКРИПКИ,

теоретическая и практическая, самая полная и употребительная, съ многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ сочиненіе Д. Алара.— Принятое для руководства въ Парижской музыкальной консерваторіи, на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Цѣна 6 р. с.

ГЕНЕРАЛ-БАСЪ,

или новая метода содержащая главные правила музыкальной композиціи и руководство къ практическому примѣненію ихъ; съ краткимъ изложеніемъ основаній двойнаго контрапункта, конона и фуги съ примѣрами и упражненіями, на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Сочиненіе И. Фукса. Второе исправленное и дополненное самимъ авторомъ изданіе. Цѣна 7 р. сер.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНОВЪ ДВѢ РУКИ:

- Chopin.* Deux valse mélancoliques. op. 69. Цѣна 1 р. сер.
 « Fantaisie-Improptu op. 66. — » 85 к.
Field. Cinquième Nocturne (Nouvelle Edition). . . — » 30 к.
Haberzettel. Petite-fantaisie. — » 75 к.
Henselt. Illusion perdue. 3-e Improptu op. 34. 1 р. — к.
 « Marche du Couronnement. op. 35. 1 р. — к.
Mendelssohn Concertoen Solmieneur. (Nouv. Edition). 2 р. 50 к.
Mayer. Ch. Une fleur animée. Pièce de salon. . 1 р. 40 к.
Osborne. Célèbre Miseréré de l'opéra: Il Trovatore — » 60 к.
Verdi. Célèbre Quatuor de l'opéra: Rigoletto. . — » 60 к.
Voss. Romance, Duo, Barcarolle et Bolero de l'opéra: Giovanna di Guzman de Verdi. 1 р. 15 к.

РОМАНСЫ ДЛѢ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕПИАНО,

- Архангельскій.* Гдѣ вы дни мои — » 40 к.
Булаховъ. Кольбельная пѣсенка Ты для меня
душа и сила (Новое изданіе) для сопрано
60 к. для контральто — » 60 к.
Варламовъ. Миѣ жаль тебя (на два голоса). . . 1 р. 30 к.
Вителаро. Кто слышалъ тотъ васъ не забудетъ — » 75 к.
Гурилевъ. Зимній вечеръ, 60 к. Колокольчикъ — » 60 к.
Даргомыжскій. О милая дѣва нѣтъ силъ миѣ
словами (75 к.) Безъ ума безъ разума 75 к.
 Старина (40 к.) Лихорадушка. Второе
изданіе — » 40 к.
Делесто. Нарзодоль небестяркоблещеть луна. — » 60 к.
Кладищевъ. Очи, очи голубыя — » 40 к.
Маркевичъ. Прости, не помни дней паденья . — » 40 к.
К, П . . . вой. Безумно жаждать твоей встрѣчи. — » 40 к.
Шиловская, М. В. Зачѣмъ? Романсъ. — » 60 к.
Шубертъ. Къ востоку, все къ востоку . . . — » 40 к.
Шубертоа. Я васъ любила безнадежно . . . — » 70 к.
Цыганская пѣсня. Ленъ, ленъ ты мой ленъ. . — » 40 к.

Въ ономъ же магазинѣ гг. любители найдутъ въ огромномъ выборѣ классическія и новыя сочиненія какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ вообще инструментовъ, гдѣ бы таковыя изданія не были или объявлены въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе цотъ не менѣе какъ на три руб. сер. получаютъ 25-ть процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе какъ на десять руб. сер. получаютъ тѣже 25-ть процентовъ уступки и не платятъ ничего запересылку. — Выгодою этою пользуются только тѣ особы которые обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ Ф. Стелловскаго бывшій И. Пецца или въ Редакцію Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника. На этихъ условіяхъ можно получить изъ моего музыкальнаго магазина все, что публикуется въ каталогѣ или объявленіяхъ другихъ музыкальныхъ продавцевъ. Чрезвычайно выгодныя сношенія мои съ заграничными издателями, доставляютъ миѣ возможность не только сдѣлать упомянутыя уступки, но, и до такой степени пополнить мое музыкальное Делпо, что гг. любители найдутъ въ немъ все, что существуетъ во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею.

Тутъ же принимаются порученія на покупку и высылку фортепиано, роялей, и прочихъ инструментовъ, струнъ, и разныхъ музыкальныхъ принадлежностей съ отвѣтственностію за выборъ. — Въ подобныхъ случаяхъ всѣ порученія будутъ исполнены не иначе какъ по совѣту извѣстныхъ артистовъ.